

Сяо И и Дацянь взяли два разовых поручения по сопровождению грузов: одно - в соседний уезд Цинши, другое - в Хуайян. Выезжать нужно было уже завтра, и Линь Мудун при свете масляной лампы зашивал одежду Сяо И. Когда тот рубил дрова в горах, ветки распороли ткань, и теперь через прореху продувало.

Они вдвоём грели ноги в одном тазу. Вода была немного горячевата, а кожа у Линь Мудуна нежная, поэтому слишком горячую он не выносил и пока лишь держал ступни на краю таза.

— Поставь ноги мне на подъём, тогда не будет так горячо, — Сяо И взглянул на белые пальцы ног фулана, округлые, чуть розовые, куда изящнее его собственных больших загрубевших ступней.

Линь Мудун всё ещё держал в руках одежду и продолжал шить, поэтому немного замешкался. Потом всё же осторожно опустил ноги, и Сяо И подхватил их своими ступнями. Такое соприкосновение кожи ощущалось совсем иначе. Ступни для гэра считались интимной частью тела, поэтому Линь Мудун слегка смутился, подтянул голени, а пальцы сами собой поджались.

— Всё ещё горячо?

— Уже нет, — ответил Линь Мудун, старательно делая вид, что совершенно спокоен, хотя лицо уже залилось румянцем.

Сяо И всё понял, но ничего не сказал. Он лишь слегка прижал ступнёй подъём ноги Линь Мудуна и потёр её - когда моешь ноги, рука или нога сама собой начинает немного растирать. Штанины Линь Мудуна были закатаны до колен, открывая тонкие, белые и гладкие голени, такие нежные, будто кожу можно было повредить одним дуновением. В воде они лежали смирно, совсем не двигаясь.

Когда Линь Мудун наконец закончил зашивать одежду, сложил её и положил возле подушки, Сяо И вынес воду, а вернувшись, задул масляную лампу. Стоило руке скользнуть под край одежды, как Линь Мудун сразу догадался, чего тот хочет. Он слегка прикусил губу, не решаясь отказать. Хорошо ещё, что лампа уже погасла и в темноте нельзя было разглядеть выражение его лица.

Ладони Сяо И, загрубевшие от многолетней работы, легли на живот и начали мягко поглаживать и разминать. У Линь Мудуна невольно вырвался тихий звук. Ему было приятно, и он сам того не замечая чуть потёрся о грудь Сяо И.

— Тебе так нравится? — глаза Сяо И сразу загорелись, словно он нашёл что-то особенно интересное. Он наклонился, поцеловал Линь Мудуна и тягуче прошептал: — А ты меня тоже потрогай.

Линь Мудун чуть прищурил влажные глаза, не зная, куда именно прикоснуться, и потому коснулся межбровья Сяо И. Кончики пальцев медленно скользнули вниз от бровей по

переносице, через кончик носа и к уголку губ. Он редко позволял себе так внимательно рассматривать Сяо И, поэтому теперь, касаясь его лица, закрыл глаза, словно хотел запомнить каждую черту на ощупь.

Фитиль лампы успел прогореть наполовину.

На Сяо И одежда была наполовину распахнута, на открытой груди виднелось несколько следов от ногтей. Он сел, принёс горячей воды, наскоро обтёр Линь Мудуна, а потом они обнялись и уснули.

Сяо И обнимал фулана и тихо говорил:

— В этот раз в Хуайяне придётся задержаться на пару дней. У мастера, который обучал меня кулачному бою и приёмам, будет большой юбилей, как раз смогу заехать поздравить. Я сначала хотел взять тебя с собой, заодно познакомить со стариком, но сопровождать груз тяжело, иногда и ночью приходится идти без остановки. В следующий раз возьмём подарок и поедем вместе.

Линь Мудун уже начинал клевать носом. Услышав это, он послушно кивнул:

— Тогда езжай. Передай мастеру от меня привет. А я останусь дома и буду ждать тебя.

Он уже почти заснул, но вдруг спросил, сколько человек в семье его мастера. Сяо И ответил, что есть жена мастера и две дочери. Линь Мудун тут же сел, достал из шкафа два ароматических мешочка и платки - всё совершенно новое. Пусть лично он с ними не встретится, передать подарки всё равно было проявлением учтивости. Ничего другого подходящего у него не было, поэтому мешочки и платки станут хотя бы знаком внимания.

Сяо И убрал подарки за пазуху, снова обнял его и улёгся:

— Я скажу мастеру и его жене, что это от тебя.

Они проспали всего четыре шичэня. Небо ещё оставалось тёмным, когда Линь Мудун поднялся до первого крика петуха, тихонько оделся и пошёл готовить.

Ли Юйфэнь услышала шум из соседней комнаты, ничего не сказала, тоже оделась и направилась на кухню.

— Бабушка, возвращайся спать. Я и один справлюсь.

— В старости сна мало. Зять отправляется в дальнюю дорогу, помогу тебе. Надо ещё побольше сухого припаса приготовить ему в путь, — маленькая старушка была очень расторопной и

работала быстро.

Сяо И всё ещё крепко спал, а на кухне уже начался обычный распорядок нового дня. Перед дальней дорогой надо было как следует поесть чего-нибудь сытного, поэтому Линь Мудун решил сварить ему чашку лапши. Обычно они ели лапшу из смешанной муки, но сегодня он взял белую: такая лапша была тоньше, вкуснее и надолго насыщала.

Ложка свиного жира, ложка рубленого зелёного лука, по половине ложки соевого соуса и красного острого масла, а сверху - ковш горячего бульона. От жара сразу поднялся густой аромат. Линь Мудун ещё обжарил немного мясного фарша и добавил сверху, а в конце положил в чашку два яйца пашот.

Сяо И проснулся как раз вовремя - лапша только-только приготовилась.

— Не нужно так ради меня хлопотать. В дороге я могу просто съесть пару пампушек, а доеду до Хуайяна - там уж найдётся что поесть.

Линь Мудун опустил голову и тихо сказал:

— Но я хочу, чтобы ты поел как следует.

Сяо И заметил, что фулан приуныл, и поспешно наклонился к нему:

— Хорошо, хорошо. Тогда приготовь побольше, я всё возьму с собой и съем в дороге.

Только тогда Линь Мудун улыбнулся. Он разбил о край чашки два яйца, собираясь испечь несколько яичных лепёшек.

— Если все яйца отдашь мне, что вы с бабушкой будете есть? — В доме была всего одна старая несущка, а цыплята ещё не выросли, поэтому за день удавалось собрать лишь одно яйцо.

— Я оставил несколько для себя и бабушки. Не бойся, тебе хватит. В эти дни я буду чаще ходить за свежей травой и копать червей, чтобы курица ела побольше и скорее росла. Потом яиц будет столько, что не съедим.

Фулан хлопотал вокруг него без остановки, и во взгляде Сяо И проступила нежность. Он кивнул и больше не стал отказываться от его заботы.

Взяв чашку, Сяо И с аппетитом принялся есть лапшу. Во рту долго держался насыщенный аромат растопленного свиного жира. Когда он почти доел, на дне чашки неожиданно обнаружились ещё два яйца. Сяо И подвинул одно Линь Мудуну, и последние кусочки они поделили между собой.

Пока Сяо И ел, Линь Мудун собирал ему вещи в дорогу. Сначала уложил еду и одежду: две смены белья и совершенно новую пару матерчатых туфель. Всё-таки предстояло идти на юбилей мастера, нужно было выглядеть опрятно.

Потом сложил целый мешок больших мягких пампушек и маньтоу из смешанной муки. Линь Мудун нарезал соленья, обжарил мясной фарш и вложил всё внутрь маньтоу - получалось очень ароматно. Яичные лепёшки он завернул в промасленную бумагу, добавил ещё несколько кусков вяленого мяса, заготовленного прошлой зимой, чтобы Сяо И ел в пути. Этого было вполне достаточно.

Линь Мудун взял узел с вещами и проводил Сяо И до ворот. Там Сяо И забрал поклажу, наклонился и крепко обнял фулана. Бабушка была рядом, поэтому ничего другого позволить себе было нельзя. Сяо И попрощался и лишь тогда, всё ещё неохотно, отправился в дорогу. Саньхуа тоже вышел проводить хозяина, помахивая хвостом. Они ещё долго стояли у ворот, глядя вслед.

В соседнем дворе Чэнь Сяньюэ тоже провожала Даяня. Несколько человек молча смотрели, как их фигуры постепенно удаляются.

По дороге Даянь как раз держал в руках жареную лепёшку и, как обычно, с довольной улыбкой хвастался, что это ему приготовила жена. Сяо И приподнял бровь и тоже раскрыл узелок: яичные лепёшки, маньтоу, мясные лепёшки, вяленое мясо... Всё это приготовил его фулан. Даянь застыл как громом поражённый и тут же почувствовал, что лепешка в руке стала какой-то безвкусной. Но спустя мгновение он тихо усмехнулся про себя: его старший брат наконец-то тоже обрёл человека, который о нём заботится. И это было хорошо.

Небо ещё не успело посветлеть. Линь Мудун запер дверь и вернулся немного поспать. На сегодня они заранее договорились вместе с сестрой Сяньюэ и Чжоу Ли пойти в горы. К концу весны там как раз появилось много молодых побегов китайской тооны и колючей аралии - можно набрать корзину и приготовить дома.

По всем склонам пышно цвели персиковые деревья. Стоило ветру подуть, как лепестки осыпались и покрывали землю розовым ковром. Линь Мудун раздвинул траву и нашёл целую кучку грибов - серовато-белых цзицзун. Он аккуратно сложил их в корзину.

Чуть глубже в лесу росло высокое дерево китайской тооны. На стволе было несколько удобных ветвей, и Чжоу Ли без всякого страха полез наверх. Он маленьким ножом срезал самый нежный пучок побегов, и тот упал вниз.

— Дун-Дун, лови! — громко крикнул Чжоу Ли.

Линь Мудун с Чэнь Сяньюэ как раз собирали молодые побеги аралии, но тут поспешили к дереву. Увидев, что немало побегов уже упало на землю, они выбрали самые хорошие и сложили в корзину.

— Мне тоже оставьте побольше. Этот глупый гусь любит такое. Вернусь - пожарю ему с яйцами. Он сейчас заперся дома и учится, хочет сдавать на сюая, надо как следует кормить его мозги.

Чжоу Ли спустился почти до самого низа, а потом ловко спрыгнул на землю.

Чэнь Сяньюэ оставила ему приличную долю и сказала:

— Только при других людях не называй его «глупым гусем». Если он и правда сдаст на сюая, с таким прозвищем над ним будут смеяться.

Чжоу Ли виновато усмехнулся:

— Знаю, знаю. Я так только при вас говорю.

Чжоу Ли вообще не боялся ни неба, ни земли, и управиться с ним было почти невозможно. А вышел он за такого простоватого и медлительного человека, как Лю Шунь, так что в их семье явно только он и мог командовать мужем.

Линь Мудун спросил:

— А после свадьбы всё прошло хорошо?

Стоило заговорить об этом, как Чжоу Ли сразу рассердился. Он плюхнулся прямо на землю и принялся рассказывать о тех неприятностях, что случились в первые дни после свадьбы.

На второй день после свадьбы свекровь, подзуживаемая старшей невесткой, решила «поставить Чжоу Ли на место». Сам Чжоу Ли считал, что раз речь идёт о старших, то подать воду и почтительно предложить чай - дело вполне естественное. Вот только в первую брачную ночь они с Лю Шунем перевернули всё вверх дном, и на следующий день Чжоу Ли проспал. Старшая невестка тут же ухватила за это и заявила, что он не уважает старших и не знает правил, после чего заставила его стоять в главной зале с чашкой чая в руках.

Но разве Чжоу Ли мог стерпеть такую обиду? Да и Лю Шунь оказался вовсе не из тех, кто позволит помыкать своим фуланом. Он даже отложил книги и пришёл стоять рядом с ним. И сделал это довольно хитро: с виду он вроде бы и не перечил старшим, а на деле своим поведением пригрозил матери. Стоило ей увидеть, что сын перестал заниматься, как весь её напор тут же исчез. Она махнула рукой и отпустила обоих.

Но старшая невестка семьи Лю не успокоилась. Под предлогом того, что ей надо присматривать за сыном, она попыталась свалить на Чжоу Ли готовку для всей семьи три раза в день.

Чжоу Ли тоже не собирался уступать. Он тут же хлопнул ладонью по столу и заявил:

— Старшей невестке надо растить сына, а мне надо беречь здоровье, чтобы самому родить сына! Мне тоже нельзя надрываться!

Лю Шунь, краснея до ушей, кивнул и посмотрел на мать. Старшая невестка так и подавилась словами, не сумев ничего ответить, и вся злость застряла у неё в груди.

Но Чжоу Ли тоже не был человеком неразумным. В конце концов они просто оба сделали по шагу назад: готовить будут по очереди - сегодня одна, завтра другой, а если дел особенно много, станут помогать друг другу. Так никто не останется в убытке.

Лю Шуня он к домашним делам тоже не привлекал. С хозяйством Чжоу Ли справлялся сам. Лю Шунь мог помочь ему день-другой, но не каждый же день тратить всё время на домашнюю суету. А книги тогда когда читать? На сюзя когда сдавать?

Если Чжоу Ли хотел по-настоящему укрепить своё положение в семье Лю, этих людей ему следовало усмирить самому.

Линь Мудун слушал рассказ о его славных подвигах с откровенным восхищением. Подперев щёки ладонями, он смотрел на Чжоу Ли сияющими глазами:

— Ли-гэр, ты такой сильный. Я тоже хочу стать таким, как ты.

Чжоу Ли расправил грудь, похлопал его по голове и сказал:

— Меня просто обстоятельства вынудили. А твой Сяо И сам по себе крепкий орешек. Пока он рядом, ты хоть боком по всей деревни ходи - никто тебя не тронет.

Линь Мудун вдруг понял. И правда! Сяо И ведь будет его защищать. Значит, завтра он тоже пойдёт по деревне боком!

Чжоу Ли уже не знал, смеяться ему или хвататься за голову. До чего же наивный этот молодой гэр, хорошо ещё, что ему встретился Сяо И. Попадись ему, как самому Чжоу Ли, такая старшая невестка и свекровь, небось каждый день плакал бы от злости.

Один расхваливал, другой поддакивал, и по горам разносился их смех. Чэнь Сяньюэ была для них старшей сестрой и держалась спокойнее, поэтому лишь улыбнулась и пошла вперёд искать молодые побеги аралии.

Под слоем опавших листьев попадались ещё корни папоротника. Линь Мудун уже хотел шагнуть вперёд и выкопать один, как земля перед ним вдруг провалилась, открыв глубокую

яму. Линь Мудун среагировал быстро и поспешно отступил на шаг. Заглянув внутрь, он тут же перепугался до слёз, подхватил корзину и бросился прочь.

— Ли-гэр, там змеи! Очень много змей! — у Линь Мудуна подкашивались ноги.

Чэнь Сяньюэ тоже боялась. Только Чжоу Ли оказался посмелее и, собравшись с духом, осторожно выглянул вперёд. Внизу всё кишело змеями. Они спутались в один клубок, словно беспорядочная куча верёвок. Большинство были яркой расцветки, попадались и несколько безобидных чёрных змей.

Оказывается, здесь было настоящее змеиное гнездо.

Каким бы храбрым ни был Чжоу Ли, провоцировать ядовитых змей он тоже не собирался. Икры у него задрожали.

— Уходим. Нечего здесь оставаться. Вернёмся и предупредим деревенских, чтобы сюда не ходили.□□

<http://bllate.org/book/19002/2371418>